Т.Б. Длугач

Руссо и Общественный Договор

Философскую биографию великого французского просветителя Жан-Жака Руссо начинают, как правило, с его произведения «Об Общественном Договоре». Общественный Договор наиболее прославил его, он дал ему долгую жизнь, он показал всю глубину и оригинальность его ума. До сих пор Руссо – вместе с Локком – считают отцом демократии, и это соответствует истине. Но не следует забывать, что Общественный Договор – это, так сказать, заключительный этап демократических устремлений Руссо, и нельзя обойтись без того, чтобы не обратиться к истокам и не показать, что демократические идеи чуть не с 30 лет зрели в его уме. И даже, казалось бы, не имеющие отношения к Общественному Договору – романы «Новая Элоиза» и «Эмиль» выходят на Общественный Договор. И даже еще раньше: в 1749 г., когда Руссо получил I премию Дижонской академии наук за сочинение «О науках и искусствах», Руссо обнаруживает, что он мыслит далеко не так банально, как все, и что от других энциклопедистов его отделяют довольно серьезные преграды.

Многие даже не стремятся отнести его в лоно энциклопедистов. И тому есть серьезные причины: большинство энциклопедистов были неверующими, Руссо – верующим; все верили в силу разума, были, так сказать, разумными эгоистами, Руссо уповал на чувства – жалость, сострадание, милосердие; он единственный был альтруистом. И тем не менее он был просветителем: он, как и все они, считал двумя полюсами своих размышлений природу и воспитание. Правда, природа была «опрошенная», не затронутая промышленностью и цивилизацией, а воспитание равнялось на эту природу.

Но парадоксов у него было, пожалуй, больше, чем у кого-либо другого. Уже в 1749 г., когда Руссо получил I премию Дижонской академии наук, он получает её за то, что противопоставляет науку и искусство нравственности и отдает предпочтение второй. Довольно унизительно думать, будто неграмотные люди более нравственны, но Руссо так не только думает, но и доказывает – с успехом! – это. Он предвосхищает Канта, и недаром в кабинете у Канта висел только один портрет – Руссо. Не очень общительный, достаточно нелюди-

мый, необщительный, неразговорчивый, он, тем не менее, завоевал себе прочное место среди интеллигентов того времени. И даже первый его роман «Эмилия, или Новая Элоиза» заслужил признание почти всего французского общества. Его читали все, т. к. он сумел вывести на сцену «образ» новой – нерыцарской – а простой, естественной, данной людям «от природы» любви. Этот роман читали белошвейки, маркизы, графы и простолюдины, и у всех он вызывал восторг, потому что представил человеческие чувства в их естественной, природной простоте. Недаром слово «сентиментализм» носит и другое имя «руссоизм»; недаром и Гёте, и Карамзин подражали ему. Руссо изображал людей с чувствительной душой – и не это ли стремление уровнять всех людей по чувствам привело его впоследствии к Общественному Договору.

Последнее сочинение, хотя и не вызвало в момент написания – в 1762 г. – признания, перед революцией 1789 г. было признано почти всеми якобинцами. Робеспьер приезжал к Руссо, чтобы поговорить о будущем обществе, он даже пытался устроить общество «по плану Руссо» (включая экономическое равенство). Сен-Жюст и Марат читали перед толпой главы из Общественного Договора, пели арии из оперы Руссо «Деревенский колдун», на его доме была установлена мемориальная доска. Короче, восторг был всеобщий. И даже сам Кант один раз пропустил послеобеденную прогулку, зачитавшись «Новой Элоизой».

Вольтер, Руссо, Дидро делили первые места в своей когорте сильных бойцов за новые порядки. Пожалуй, больше всех сделал Руссо, создав «Общественный Договор», ибо тем самым он на столетия вперед предвосхитил будущее человечества. Общественный Договор – это его «Лебединая песня», его наказ людям и его демократический проспект. Воздадим же ему должное за все, что он дал нам.

Празднование в июне 2012 г. 300-летия со дня рождения Ж.-Ж. Руссо – это не просто дань тем значительным достижением, которые он дал всем нам, но и благодарность за то, что мы до сих пор живем по предписанным им законам. Гражданское общество – это совсем не то, что правовое государство у прежних мыслителей, и это именно то, что он хотел для будущих поколений. На первый взгляд, как будто одно и то же – и все же это не так. Гражданское общество – это не совокупность силовых структур, карающих за нарушение законов; гражданское общество – это в основе Общественный Договор, заключенный между всеми гражданами, входящими в данное государство-общину. Этот Договор скреплен Декларацией – письменным

соглашением, чего можно, а чего нельзя делать, и только он, а не любое соглашение между гражданами – о правах и обязанностях, заслуживает названия Общественный Договор с большой буквы. То, что Руссо предположил первоначальную индивидуальную жизнь, жизнь, так сказать, робинзонов, которые лишь потом объединяются, – это было известно уже и до Руссо – об этом писали и Пуффендорф, и другие мыслители в XVII в. Здесь Руссо как будто не дал ничего нового, но все же кое-что дал. Общим у всех таких теоретиков было предположение о договоре для совместной защиты от диких зверей и превратностей природы. Руссо же предложил то, что не предлагал до него никто: поскольку он не верил в технический прогресс, то для него единственным средством повышения производительности труда было как раз объединение многих индивидов в одно целое. Ни у кого, кроме Руссо, таких представлений об итогах объединения не было: были, конечно, представления о лучшей обороноспособности – от внешних врагов и от природы, но ни у кого не было мысли об увеличении вследствие такого объединения производительности труда.

Подходя к Общественному Договору, Руссо делит человеческие соглашения на два разряда. Первый – когда наиболее сильный захватывает всю власть и властвует над всеми. Все равны в том смысле, что не могут противостоять сильному (который является царем, императором или кем-либо еще). Это право сильного называется «правом» как бы иронически, так как всегда найдется более сильный. Но существует соглашение другого типа – не властвовать над толпой, а управлять обществом. Первое – простое скопление людей, толпа – здесь нет никаких прав, нет идеи общего блага. Руссо предполагает, что теперь люди уже достигли такого состояния, когда силы, заставляющие их находиться в естественном состоянии, превосходят другие силы, заставляющие их переходить в другое состояние. Это такое соглашение, когда, объединяясь, каждый подчиняется, однако, только самому себе, и тем не менее каждый остается настолько же свободным, как и прежде.

Это такое соглашение, когда все *добровольно* входят в ассоциацию, когда все являются частями целого; каждый передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого. Это совершенно другое соглашение, которое основывается на равенстве всех членов, это условное коллективное целое. Оно получает вследствие своего объединения общее Я; когда-то оно именовалось гражданской общиной,

а теперь Руссо называет его политическим организмом. Каждый член принимает здесь как бы двоякую функцию: члена суверена и члена государства.

Важное понятие, которое вводит здесь Руссо, – понятие суверена, т. е. высшей власти, обладающей верховенством, эта власть не может от объединения отторгаться и передаваться другому; она не делится на части.

Суверен – это целое, в него входят все члены ассоциации, все обладают равными правами и, хотя каждый обладает своей собственной волей (желаниями, интересами), все они подчиняются общей воле.

Только после такого объединения право первого захвата становится правом собственности, а голос долга сменяет плотские побуждения. И сразу же здесь Руссо делает важный шаг: отделяет хозяйственную, экономическую волю от гражданской. В первом случае интересы могут не только совпадать, но даже и противоречить друг другу. Во втором случае отпадают все различия, так как индивиды выступают только в одном своем качестве – гражданина. Здесь нет личного интереса; в этом случае каждый выступает как бы целый член ассоциации, т. е. как гражданин, и в этом случае Руссо употребляет понятие общей воли. Все как граждане заинтересованы в том, чтобы избежать войны, чтобы засеять прежде «отдыхавший» кусок пашни, чтобы дети получали нужное им образование и т. д. Счет также идет по числу голосов, но в основе лежит общегражданский интерес.

Первоначальное соглашение не только не уничтожает естественное равенство, замечает Руссо, а напротив, заменяет равенством их как личностей, и уничтожает то неравенство, которое вносит в их физическое естество природа. Именно согласие интересов сделало возможным общую связь. Общественную связь образует как раз то, что есть общего в этих различных интересах. Суверенитет, который, по словам Руссо, есть законотворчество и осуществление общей воли, никогда не может отчуждаться, и суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представлен только самим собой.

Итак, Руссо вносит в понятие ассоциации, которое и в XVII в. употреблялось теоретиками, много нового. Во-первых, это добровольное соглашение всех войти в одну ассоциацию; во-вторых, то целое, которое образуется, есть суверен, т. е. выражает волю всех, кто принимает законы; в-третьих, эта воля и есть общая воля. Одновременно – о чем речь будет ниже – разделяются экономическая и политическая сферы. Провозглашенная воля есть акт суверенитета (акт

суверенитета – это, по сути, акт принятия закона) и создает закон. Во втором случае (когда действует воля всех) это лишь частная воля, или акт магистратуры; это – самое большее принятие декретов. До Руссо никто не проводил таких разделений, не выделял понятия суверена и общей воли и тем самым фактически не раскрывал сути Общественного Договора. Общая воля блюдет только общие интересы, воля всех – интересы частные.

Надо признать, дополняет Жан-Жак, что волю делает общею не столько число голосов, сколько общий интерес.

Руссо обронил как бы мимоходом также несколько замечаний, которые, если задуматься над ними, можно развернуть в фундаментальные статьи. Первое касается частной собственности. Как все помнят, во втором своем Трактате 1754 г. Руссо заклеймил частную собственность как источник всех человеческих несчастий. Если бы все владели всем сообща, как в первобытном обществе, «золотом веке» человечества, никто не посягал бы на свободу других. Никто не угнетал бы другого, все были бы в равных условиях, никто не присваивал бы труд других людей.

Переход Руссо на противоположные позиции тем более странен, что он произошел всего лишь через год – в 1755 г., когда Руссо писал для Энциклопедии статью «Политическая экономия». В ней, напротив, говорится о частной собственности как о «священном» праве человека, даже более священном, чем сама свобода. Трудно объяснить, чем вызван такой переворот, что побудило Руссо перейти на прямо противоположные позиции и почему вдруг частная собственность стала для Руссо основанием гражданского общества. И объяснение – в общем-то полуобъяснение – вроде тех, что частную собственность труднее сохранить, чем что-либо другое, мало объясняет. Может быть, потому что это уже было сказано кем-то ранее, а может, по какой-либо другой причине. Во всяком случае, материальные выгоды от владения в этом Трактате никак не объяснялись, хотя, возможно, впервые, говорили о необходимости частной собственности еще в IX в. как средстве выгоды. По-видимому, дело заключается в том, что собственность на землю, орудия (прежде всего на землю) позволяет получить бóльший доход и, следовательно, использовать труд других людей себе на пользу.

Во-первых, это суверенитет – неотъемлемое право самого народа утверждать законы. Акт принятия закона – это и есть акт суверенитета. Правда, Руссо сразу же вносит коррективы: народ хочет счастья, но не знает, в чем оно. Поэтому ему требуется законодатель, который

объясняет, что надо делать в настоящем, а пожинать славу в другом. Это – человек, не желающий счастья для себя лично, и этот человек, по выражению Руссо, почти божественной природы, очень похож на философа-просветителя.

Другой, не слишком заметный мотив, касался того, что Общественный Договор заключается, по Руссо, не один раз, а дважды: в первый раз после его заключения сильные люди хитростью и обманом захватили себе все преимущества. Поэтому, по Руссо, требуется заключить новый, теперь уже совершенно справедливый Договор, где всем были бы даны равная собственность и равные права.

Следует напомнить, что, согласно Руссо, не только в политике, но и в экономике все должны быть уравнены. И это было предложено впервые. Разумеется, в экономическом плане это должна быть *мелкая* частная собственность (т. к. небольшую по территории республику нельзя поделить на множество разных частей, поэтому они необходимо должны быть мелкими); и Руссо не раз упрекали за его эгалитаризм. И Вольтер, и Гольбах в то время признавали имущественное неравенство неустранимым; Вольтер даже называл Руссо «философом нищих». Согласно Гольбаху, имущественное неравенство вообще не имеет решающего значения для жизни людей: бедняк получает свою долю радости от родниковой воды и куска хлеба.

Руссо же – и в экономическом, и в политическом отношении – ратует за равенство. В экономическом плане все должны иметь равное имущество; в политическом же смысле каждый гражданин, выступая «за» (или «против») каких-либо гражданских прав, имеет один голос. Счёт ведется по количеству голосов, побеждает большинство. Есть ли в эгалитаризме какой-либо рациональный смысл? Как нам кажется, в экономическом эгалитаризме можно найти такое рациональное объяснение: всем дается *одинаковое* экономическое состояние (ну, подобно тому как всем дается одинаковое образование), а дальнейшее зависит уже от самого человека. Будет больше трудиться – достигнет большего, и наоборот. То есть всё зависит от самого индивида. Воля всех и общая воля поэтому принципиально различаются (*volonte de tout и volonte general*). Надо сказать, что, различив экономику и политику, Руссо сделал очень важный шаг в политической экономии: ведь на самом деле договоров можно заключить столько, сколько раз угрозе подвергается исходный общественный Договор, т. е. права и принятые обязанности. Предложив политическое равенство, Руссо уравнял всех как политических граждан. Возьмем, к примеру, нашу страну: запрещают прямые выборы губернаторов – народ выходит на

улицу, и их возвращают. Начинают злоупотреблять «мигалками», т. е. беспрепятственным проездом некоторых граждан, – автомобилисты с «синими ведерками» устраивают протест. И число «привилегированных» уменьшается. Строго говоря, Общественный Договор в собственном смысле слова должен заключаться и «перезаключаться» не дважды, как думал Руссо, а каждый день. (Точно так же, как человек каждый день изживает в себе животные черты, становясь человеком.) В этом смысле Общественный Договор (а попросту говоря, Декларация) охраняет индивидов от посягательств тоталитарного государства; оно как бы буфер между ними и индивидами. «Недаром крупнейшие современные политики ссылаются на Руссо, желая подкрепить принцип демократии. Так, Ю. Хабермас считает, что споры о демократии разожгла только Французская революция, и поясняет, что Руссо понимает свободу как равное участие всех в практике законодательной власти, при которой народ сам дает себе законы[1].

Кант трактует народовластие как соединение практического разума и суверенной воли, нрав человека и демократии.

Отказываясь от понимания народа как некоей неопределенной гомогенной массы в духе Руссо, Хабермас делит его на легитимные партии у власти, спускающие вниз свои требования, и автономные, стихийно возникшие образования, институционально не оформленные, но представляющие собой «голос общественности» (Öffentlichkeit). И без встречи этих двух течений не может возникнуть никакая демократия. «Опять перед нами проблема, которую пытался решить Руссо и с помощью которой народ сам дает себе законы»[2]. И Хабермас продолжает: «Мы можем различить власть, *рождающуюся в процессе коммуникации, и административно применяемую* власть. В деятельности политической встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процесса коммуникаций политической общественности, а с другой – такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями[3]. С какой силой оба процесса пронизывают друг друга, – вопрос эмпирический, но

[1] *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 34.

[2] Там же. С. 37.

[3] Там же. С. 50.

ясно, что в нем участвует весь народ. Неинституализированные автономные образования (Öffentlichkeit – голос общественности) пересекаются и должны пересекаться с легитимными институционально оформленными партиями – только так и формируется демократия.

Мы видим, что Хабермас движется от Руссо, пытаясь уточнить его понятие народа и общественности, общей воли и воли всех. Под последним во французской революции Хабермас имеет в виду демократию и права человека: «*Демократия и права человека* образуют универсальное ядро конституционного государства, различные варианты которого обязаны своим происхождением Американской и Французской революциям»[4].

Именно Руссо был тем гражданином-теоретиком, который точно наметил пути демократии, её дискуссии, острые углы и консенсусы. В свое время, подмечает Хабермас, демократия должна была формироваться в борьбе против деспотизма, воплощенного в королевской и дворянской власти. Но и сейчас энергия Французской революции не перешла в стадию застоя; идет процесс культурной мобилизации масс. Противоположные тенденции – автономные и легитимные – должны проникать друг в друга. «Политическая общественность – *Öffentlichkeit* – не пересохла»[5]. «Есть только один закон, который по своей природе требует единодушного согласия – это общественное соглашение»[6], ибо вхождение в ассоциацию есть самый добровольный акт в мире; поскольку всякий человек рождается свободным и хозяином самому себе, никто не может ни под каким предлогом подчинить его без его согласия[7].

Мало кто уделял внимание тому пониманию человека, которое дал Руссо, но, данное 300 лет назад, оно и сейчас сохраняет все свое значение – характеристики свободы, равенства, собственного достоинства.

Поль Рикёр, другой исследователь, занимающийся проблемой коммуникации, т. е. взаимоотношений между разными социальными слоями, также отправляется от Руссо. При этом он обращает внимание на кризис, переживаемый сейчас Западом. «С одной стороны, это кризис основ. Этот кризис неизбежен, поскольку демократическое общество базируется только на своих собственных внутренних ресур-

[4] Там же. С. 60.

[5] Там же. С. 84.

[6] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 230.

[7] Там же.

сах. Оно является единственной политической системой, основывающейся исключительно на добровольном желании своих членов подчиниться ему. И в этом смысле демократическое общество – одна из самых непрочных политических систем. Понятие народного суверенитета опережает именно это. Если нет народа как сообщества людей, желающих жить вместе, то нет и суверенитета»[8]. С другой же стороны, избранники народа хотят создать некую закрытую среду, стать политическим классом, в котором народ больше не узнает себя. И тем не менее, несмотря на все эти опасности, демократия существует уже более 300 лет.

Другие трудности связаны с приемом беженцев: появилась новая разновидность – экономические беженцы, и законы не очень справляются с этой категорией. И все же демократия существует, хотя, по словам Черчилля, она имеет свои слабые стороны.

Наши отечественные политологи также пытаются развить учение Руссо об общей воле к воле всех, и в этом плане раскрывают взаимодействие между легитимными партиями и анонимными стихийными образованиями. В.С. Библер, продолжая раскрывать множественные шаги по укреплению Общественного Договора, обращает особое внимание на то, что вне гражданского общества нормальное демократическое общество – иллюзия, самообман. Гражданское общество определяется при этом как форма общения работников и просто жителей как *граждан*, т. е. отдельных самостоятельных юридических субъектов и участников экономической, политической и общественной жизни.

Он замечает, что в большинстве случаев гражданам представляется, что всеми гражданскими процессами управляет государство. Но на деле это не так: «В гражданском обществе исходное право (и смысл всех остальных прав – свободы слова, собраний, митингов, передвижения) – это право суверенного индивида – в общественном договоре с такими же столь же суверенными индивидами – *формировать*, образовывать общество, экономику, государство. Извечно и демократично только то современное общество, которое сохраняет в своих корнях демократическое право своих граждан *заново*, исходно, изначально порождать и договорно закреплять свои собственные правовые структуры[9].

---

[8] *Рикёр П.* Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 110.

[9] *Библер В.С.* На гранях культуры. М., 1969. С. 355.

«Договор, а не свержение, делегирование (добровольное) своих прав, но не получение их в *дар* – вот корни, постоянно сохраняемые и оживляемые в гражданском обществе.

Именно разрушение классов крестьян, рабочих, интеллигентов в 30-е годы служит, по Библеру, причиной наших неудач в построении гражданского общества. То, что мы называли уничтожением классов, было делом деструктурирования общества. «Очень странно, что, когда сегодня говорят о всевластии бюрократов, начисто забывают об этих его "чисто политических", вне-общественных корешках. Основа *всевластия* бюрократов – подчинение бюрократии партийному диктату»[10].

В. Библер напоминает о том, что, по Марксу, практическое применение права человека на свободу есть право человека на частную собственность. Другой человек рассматривается при этом как её *предел*.

И хотя, вроде бы, как будто, не было такой ситуации, когда осуществлялся договор, а до этого люди жили отдельно, на самом деле он был – мы должны предположить некую таинственную точку, в которой все возникает серьезно и ответственно, где принимаются статьи Декларации, гарантирующие свободу, собственность, права. И они лежат в основе конституций. И это происходит в момент формирования буржуазного общества. Ну вот возникло гражданское общество со всеми его статьями, правами, обязанностями. Но мы уже говорили о том, что уже Руссо предусмотрел, что не только возможен, но необходим *второй* справедливый общественный договор, т. к. в первом случае сильные силой и хитростью захватили себе все права; поэтому надо заключить по-настоящему справедливый общественный договор, где все признавались бы равными. Что же служит источником такого передоговора. Как думает В. Библер, «существенным бродилом гражданского общества выступает демократия *самодеятельных митингов*, демонстраций, уличных протестов, уличного карнавала. Это рискованная и раскованная стихия гражданского общества, вне которой не могут происходить живые процессы его трансформаций, превращение меньшинства в большинство и т. д.»[11]. Гражданское общество служит вместе с тем той тончайшей пленкой, тем буфером, который защищает индивидов от посягательств тоталитарного силового государства. И не один, и не два раза заключается Общественный Договор: столько раз, сколько ему угрожают, столько

[10] Там же. С. 359.

[11] Там же. С. 355.

раз за него ведется борьба. Государство формируется из недр гражданского общества. Множество автономных гражданских организаций формируют гражданское общество – это «народные фронты», «Мемориал», другие формы самоорганизации рабочих, и не нужно думать, что раз такие противодействующие группы малочисленны, они ничего не добьются – ведь их будет много. «Извечно и демократично только то современное общество, которое сохраняет в своих корнях демократическое право своих граждан, *заново*, исходно, изначально порождать и договорно закреплять свои собственные правовые структуры»[12]. Так «железная» детерминация историей и экономикой преображается в само детерминации гражданского общества. И особенно следует подчеркнуть, что, начиная с XVII в., общение работников как *граждан* отделяется от собственно экономического базиса и начинает развиваться в сфере гражданских прав и свобод, в сфере правоотношений ,т. е. в сфере гражданского общества. Повторим: так, «железная детерминация историей и экономикой преображается в самодерминации гражданского общества». Причем такое обращение присуще самому экономическому своеобразию промышленной цивилизации.

Сейчас в Европе, Японии, Азии происходит переход к постпромышленной цивилизации, или: развиваются процессы автоматизации производства, возрастает роль интеллектуального труда, человечество поднимается на вторую ступень развития и переходит от естественного состояния к общественному, возникает частная собственность, она приносит с собой угнетение, неравенство, бедность, порок. Но приносит и прогресс. «Война всех против всех» – продукт не природы, но цивилизации. «Как только люди заметили, – пишет Руссо, – что одному полезно иметь запас пищи на двоих – исчезло равенство, появилась собственность, труд стал необходимостью; и обширные поля превратились в радующие глаз нивы, которые надо было орошать человеческим потом и на которых были посеяны и выросли вместе с урожаем рабство и нищета».

Это объяснение вызвало резкое возражение Вольтера, который называл Руссо «философом нищих», но главное, что Руссо объявил частную собственность основанием гражданского общества. Конечно, Руссо столкнулся со множеством трудностей, ведь народ необразован, он хочет счастья, но не знает, в чем оно; поэтому Руссо вводит фигуру законодателя, который все лучше знает. И обращается он к

[12] Там же.

античности, показывая, что народ не один раз собирался на форум, чтобы решать все свои дела. Гражданское общество Руссо обрисовывает не только такими характеристиками, как суверенитет и общая воля, но и участие в Совете 500, участие в военной и судоходной деятельности и судебной власти.

В. Библер пишет также о том, что «не надо говорить о малочисленности и о слабости таких самостоятельных групп – их много», можно было бы назвать еще независимые профсоюзы и другие формы демократической самоорганизации рабочих.

Государство с его силовыми структурами – всегда насилие над обществом, поэтому только самостийное общество, независимое от государства, может быть основой современной социал-демократии.

Сейчас особенно усиливается активная роль малых групп, т. к. увеличивается роль свободного времени, ускоряется компьютерная революция. В итоге всеобщее производство смещается в сторону всеобще-индивидуального труда. В движении малых групп, не стремящихся стать большинством, но стремящихся отстаивать и представлять свои особенные уникальные интересы, наблюдаются ускорение, и эффективность. В. Библер высказывает предположение, что накануне XXI в. это наиболее органичная форма перехода не к социализму или коммунизму, а к социуму культуры.

Есть еще одна важная характеристика в сущности Общественного Договора, и оно просматривается особенно в Трактате «Эмиль». Это воспитательный роман, в котором подробно описывается, как должен воспитываться ребенок. Он воспитывается на лоне природы вместе с воспитателем, который учит его постепенно всему, что, как он считает, нужно. К этому времени относится критика этого способа обучения, которая была дана религиозным мыслителем В.В. Розановым; он критиковал Руссо за то, что знания давались в урезанном масштабе и никак не способствовали развитию творческих способностей ребенка. Он должен был заучить, запомнить самое простое и нужное из арифметики, ботаники, истории, географии и т. п. Но при этом – ничего своего Розанов сравнивает этот способ (который приближается к курсу нашей общеобразовательной школы, не стимулируя творческие данные).

Ребенок запоминает, заучивает, применяет, но не дает ничего нового. Одновременно воспитатель учит воспитанника правилам частной собственности (точнее, первого захвата): кто первый захватил что-то, то и его. Так, нечаянно посеяв горох на той грядке, где садов-

ником уже были посеяны дыни, он на следующий день увидел свой горох вырванным – потому что его право было не первым и не его это была собственность.

Воспитанник возится со своими козами, строит шалаш, устраивает выезд и т. д. Он даже ездит со своими воспитателями по свету (когда ему исполнится 18 лет), чтобы уразуметь правила Общественного Договора. Но одного мы не найдем у нашего Эмиля – гражданственности. Он не борется за справедливые законы, он не сражается за справедливость. И, главное, никто от него этого и не требует. Он живет так, как считает нужным, поступает так, как сам считает правильным. И, оказывается, что Общественный Договор включает в себя признание жизни людей по их собственным требованиям. Общественный Договор дает свободу каждому, лишь бы она не затрагивала свободу других. Общественный Договор выступает теперь, пожалуй, в своей важнейшей ипостаси – он устроен так, чтобы никто не вмешивался в частную жизнь другого. Он – как бы категорический императив здравого смысла. Каждый пользуется в своей жизни собственным здравым смыслом, руководствуется своими желаниями и озабочен только тем, чтобы не вмешиваться в чужую жизнь. Это гарантирует Общественный Договор. Надо выполнять записанные в Декларациях права, не нарушать их, не вмешиваться в чужую жизнь – вот требования Общественного Договора.

Руссо значительно опередил свое время; революция разразилась в 1789 г., а Договор был написан в 1762 г., и если в то время короля встречали кликами «Да здравствует Король!», то к моменту революции они сменились кликами «Да здравствует нация!». И изменения эти были так глубоки и сильны, что остаются незыблемыми и через 300 лет, и вызваны они Руссо. Каждый живет так, как считает нужным, руководствуясь собственными желаниями, только не затрагивая чужую собственность и чужую жизнь, и именно это гарантирует Общественный Договор. Он – категорический императив здравого смысла.

В Декларации 1789 говорится о том, что все люди рождаются свободными, и через много лет после Руссо мы добавляем «и остаются свободным и равным в правах». На много лет Руссо опередил свое время и даже, пожалуй, опередил на века. Руссо превзошел всех своих сверстников, предложив «общую волю», предложив, далее, экономическое равенство. Предположив здравый смысл присущим каждому человеку, Руссо заложил основы демократии. Каждый равен другому и, несмотря на различие в желаниях различных людей, в них

можно выделить нечто общее – это то, что делает их гражданами, которые борются не за свои личные интересы, которые нередко противоречат друг другу, а за общий интерес, поскольку они все являются политическими суверенами, равными друг другу гражданами. Счет их ведется также по количеству голосов, но интерес общий: вести или не вести войну, повышать или не повышать налоги и т. д. Руссо, таким образом, указывает на расщепление индивида: он и частное лицо, он и гражданин; озабоченный не только собственными частными интересами, но и интересами своей Родины.

Таким образом, Общественный Договор охватывает все стороны хозяйственной и политической, индивидуальной и гражданской жизни. Он рисует нам наше настоящее и будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Библер В.С.* На гранях культуры. М., 1969.
2. *Рикёр П.* Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
3. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969.
4. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.